

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ОДИНОЧЕСТВА. АВГУСТ

Миниатюра-фантаσμαгория

А начиналось всё с банального «жили-были»...

Жили-были в одной квартире Я, Астры, черепаха Сара и Август. Хотя нет, Август здесь не жил, он арендовал угол. Мы с Сарой были против, но Астры настаивали на его присутствии. Пришлось согласиться. Каждый из нас старался быть собой и проводить дни в чёрт знает каких делах, возможно, праведных... Сара изо дня в день мерила своей медлительностью быстротечность времени — единицей измерения служили ползки. Она путалась у меня под ногами, жевала лист свежей капусты и умиротворённо дышала. Я этого не слышала, это Астры заметили в одну из дождливых ночей. Астры занимались самолюбованием и самовосхищением. Ну конечно, кто ими будет восхищаться? От меня не дождёшься, Сара скорее будет балдеть от

рисунка моего линолеума, чем посмотрит наверх, а Августу всё это вообще до лампочки, его почти не бывает дома, он приходит только ночевать — мокрый, частенько пьяный, с горстью яблок, с соломой в золотых кудрях и весь пропахший скошенной травой. Я обычно штопаю старый парус. Не спрашивайте меня, зачем. Возможно, так Я хороню остатки несбывшейся мечты научиться управлять швертботом. Ещё Я покупаю монпансье и из этих конфетосколков складываю у себя на полу причудливые мозаичные узоры, которые Сара своими измерительными ползками бесцеремонно рушит, а Я снова складываю, а она опять рушит, а Я складываю, — Астры смеются, а Августу всё равно. Днём плету косы, пеку блины и мою окна, потому как Август, самый неряшливый постоялец моей квартиры, постоянно оставляет на стёклах дождливые плевки — ну ей-богу, уже перед соседями неудобно. А вечером Я жгу свечи и пишу письма.

А порой мы ссоримся. Причина — кому идти за хлебом!!! Эники-беники — и выпадает снова мне. Оно и понятно: Астры хотят пойти, но хлеб им не нужен; Саре, может, и нужен, но она идти не хочет; Август — ну вы сами знаете; а мне он, очевидно, нужен, очевидней, чем цветам и черепахе, поэтому иду Я. Воскресенье у нас — самый тяжёлый день, потому как все мы терпим похмелье Августа. «Опять вы изволили напиться», — пафосно делают замечание Астры. «Ну и какого чёрта ты опять пьян?» — нервно реагирую Я. И только Сара молча забьётся под шкаф и не высовывается до утра понедельника. Августовское похмелье — зрелище мерзкое. В комнате, где он тяжело стонет, распространяется тошнотворный запах дождливой сырости, на языке вкус металла, а в окно нагло таращится небо цвета «кучи гвоздей». Атрам невыносимо это странное амбре, и они начинают протестно увядать, примерно как если бы человек объявил голодовку. Уношу их в другую комнату, тогда они начинают выть от скуки и одиночества. «Хватит! — ору Я. — Я не могу разорваться! Оставьте меня в покое...»

Вот так мы и жили друг у друга на побегушках.

А потом...

А потом появился Он.

Он появился не у них, а у меня и на очень короткое время, но появился... Астры по-женски перед ним кокетничали, мотая разноцветными головами. Сара с опаской высывалась, но потом привыкла к нему и снова возобновила свои научные эксперименты по измерению быстротечности. Август стал ещё реже появляться в квартире. Это и понятно — два мужика в доме...

Он был зрелым светло-русый юношей, который, казалось, на свете прожил уже лет пятьсот и всё-всё и про всех знает. Часто небрит, одет в стиле милитари, грозного вида, но с добрыми глазами и мягким голосом. С его появлением в моём доме обрели пристанище разнообразные звуки: неповторимое звучание его утреннего кашля; пение — нет, скорей даже плач флейты, которую Он почти всегда носил с собой; стук пальцев о деревянную поверхность моего стола в минуты его глубокой задумчивости и самый приятный, но еле слышный звук его ночного сопения. Там же, по углам моей квартиры, разместились запахи, которых доселе не было в моём доме. Он заполонил квартиру разными травами, и мы вечерами пили травяные чаи: там и чабрец, и листья смородины, и шиповник, и всё то, чем богата матушка-Природа. По воскресеньям он курил трубку, и я с этим даже свыклась. Но вот Астры с Августом создали маленькую коалицию и были против этого увлечения юноши: Август — по причине жуткого воскресного похмелья, а Астры — по причине пафосной интеллигентности.

«Кому не нравится, тот может покинуть этот дом, Я никого не держу». Выдав такую категоричную фразу, Я осеклась... А Астры с теплотой родной матери в голосе шепнули мне: «Не бросайся такими словами. Когда-нибудь тебя оставят все, и твой дырявый парус станет саваном одиночества для тебя».

Он ходил на работу и по вторникам за хлебом. Я ходила за хлебом четыре дня в неделю, поливала цветы, ходила на рынок покупать апельсины, кормила уток в пруду и вытаскивала Августа из передраг. По четвергам мы любили с ним ехать в трамвае номер пять и придумывать новые

названия остановам. Одна из таких называлась «Проспект Дециметров» (посвящается Саре, измеряющей ползками время). А в общем, дни тянулись как у всех. Иногда Он предлагал: «А давай побудем самими собой». — «Давай!» — соглашаюсь Я. И вот Я начинаю быть самой собой: открываю настежь окно, и вся пыль летит в мой дом; ем апельсины в постели, отчего все простыни становятся липкими; жарю кусок ржаного хлеба прямо на электрической плитке — запах чувствуют даже мои соседи; жгу можжевеловый и громко-громко слушаю григорианский хорал. Он не выдерживает этой вакханалии: «Хватит! Имей совесть! Ну будь ты человеком!» И вот мы снова играем в людей, заперев свою самость кто где смог.

А потом Он исчез. Так же неожиданно, как и появился. Исчез без ссор, объяснений, упрёков и прощаний, растворился кусочком сахара в горячей обыденной событийности. Я даже не искала его, потому что не знала, как, где, а самое главное — надо ли.

А потом исчезло и всё остальное. Черепаха Сара бесследно пропала — ума не приложу, что с ней стало: может, уползла в открытую дверь, может, из любопытства вывалилась в окно, может, ещё что,— её Я тоже не искала. Астры завяли и тем самым закончили свою короткую жизнь — завяли добровольно, не из чувства протеста, не по причине злобы и мести, а просто потому, что век цветов короток и их время пришло. Август тяжело умирал у меня на руках: просил то попить, то простить его за доставленные мне хлопоты; говорил, что оставил под подушкой для меня крылья янтарного цвета; наказывал, чтобы Астры Я похоронила в реке, а не держала их мумией в гербарии; молил, чтобы Я укутала его в одеяло и дышала на его холодные ладони. Мы просидели так всю ночь, а после ловелас и повеса Август скончался на моих руках, а новое время началось с сентябрьской поминальной слезы.

Я расстелила на полу дырявый парус и легла на него, съёжившись в позе вопросительного знака, как будто у меня к миру только и остались одни вопросы. В голове шумели слова Астр о том, что когда-нибудь меня все оставят. Рядом лежали флейта светловолосого юноши, янтарного

цвета крылья Августа и не дожёванный Сарой капустный
лист...

Так Я встретила Осень...